

И никогда не гналась за славой; при всех своих умениях была совершенно неприспособлена к тому, что нынче называется «пиар». Но в других, более существенных, аспектах она, опередив свое время, стала человеком уже нового века благодаря свойственной ей свободе мысли и ее выражения, соединению склонности к теоретизированию и прагматичности, умению реализовать свои таланты с помощью неустанного труда, которого она никогда не чуралась, чувству собственного достоинства и независимой манере поведения.

А. А. Долинина

Блудный сын своего времени

(Вместо предисловия)

*Приобретайте знания, ибо много иметь — это жадность,
а много знать — это мудрость.*

Абу Нувас

Мысль издавать книжную серию «Библиотека журнала “Четки”» появилась на свет едва ли не в один день с идеей самого журнала. Однако нам пришлось прожить несколько непростых лет, прежде чем мы смогли привести в исполнение этот дерзкий замысел.

Прежде всего необходимо было удостовериться, что проект издания единственного в мире мусульманского литературно-философского журнала на русском языке не окажется мертворожденным. Время оправдало наши надежды: концепция журнала пока что не исчерпала себя, и мы остались верны заложенным в основание «Четок» принципам.

Теперь пришло время отыскать ответ на важный вопрос: каким произведением мы откроем новую книжную серию издательства?

Стартовать с перепечатки какого-нибудь сто лет не издававшегося сочинения слегка подзабытого классика нам не хотелось. Напечатать перевод произведения выдающегося писателя мусульманского Востока представлялось нам очевидным и самым простым решением, и потому эта мысль также не нашла сочувствия в наших сердцах. Тогда мы обратились к нашим современникам, творящим на русском языке, но и здесь нас ждало разочарование. Всякий раз выходило что-то одно: либо произведение обладало всеми литературными достоинствами, но не вписывалось в концепцию журнала, либо, напротив, вполне устраивало нас в содержательном плане, но не выдерживало никакой критики с художественной точки зрения.

Мы уже подумывали отказаться от издания серии до лучших времен, но счастливый случай самым решительным образом воспрепятствовал этому.

Как-то вечером, когда все уже собирались расходиться по домам, к нам в издательство явился необычного вида человек, представившийся любимым сыном известного востоковеда Бетси Яковлевны Шидфар — Рамином. На дне его рюкзака ждала встречи с нами пухлая зеленая папка. В папке этой, подобно джинну из восточных сказок, более тридцати лет томился роман «Абу Нувас».

Начав изучать «Абу Нуваса», мы поначалу решили, что стали жертвой литературной мистификации. Мы уже почти не сомневались, что автор романа — какой-нибудь араб или перс, живший Аллах знает когда, а никак не советский востоковед: столь достоверно переданы детали или, если быть точнее, стиль эпохи, в которую жил поэт Абу Нувас. Но сомнения улетучились, когда мы поближе познакомились с научным наследием Бетси Яковлевны. Блестящий знаток классической арабской литературы, она смогла передать вкус, запах и цвет той эпохи, словно и впрямь была лично знакома с самим «арабским Гейне», как называют Абу Нуваса на Западе.

Вырвавшись из оков удивления, мы задались вопросом: почему же такой замечательный роман до сих пор не осчастливил читателя своим появлением на свет?

Тем, кто не знаком с содержанием «Абу Нуваса», ответ покажется простым, как два дирхема, — все дело в биографии поэта: слишком уж много в ней того, что не согласовывалось с пуританской моралью советского общества, частью которого была Бетси (Елизавета) Яковлевна Шидфар. Но так может рассуждать лишь тот, кто не читал роман.

Автору удалось совершить невероятное: целомудренно написать о, казалось бы, совершенно нецеломудренном.

Поэта Абу Нуваса, каким он известен большинству ценителей и знатоков арабской литературы, и в самом деле сложно назвать образцом добродетели. Беспутный гуляка, пьяница — таким не одно столетие является Абу Нувас со страниц произведений, авторы которых не утруждали себя изучением подлинной биографии поэта. Что ж поделаешь: невзыскательный любитель легкого чтения обожает таких персонажей. Они соответствуют его непритязательному вкусу, кажутся достойными его самого.

Желание угодить такому читателю (или слушателю — в зависимости от эпохи и аудитории) не раз побуждало не обремененных чувством ответственности авторов пускаться на разного рода выдумки. Задача существенно упрощалась, если прототип еще при жизни капитально «оброс» слухами и легендами. В этом смысле Абу Нувас был идеальной фигурой для сочинителей всех мастей. В результате мифический Абу Нувас стал жить обособленно от подлинного Абу Нуваса, или, иначе говоря, жизнь поэта перестала принадлежать ему самому. Примерно то же самое случилось и с другим известным стихотворцем и выдающимся ученым мусульманского Востока — Омаром Хайямом, которого массовая культура превратила в примитивного винопийцу и неумного сладострастника, всю свою жизнь положившего на воспевание собственных пороков.

К чести Бетси Яковлевны, она не стала тратить много времени и усилий на ниспровержение созданного в народном воображении образа Абу

Нуваса. К этому делу она подошла не как писатель-беллетрист, жаждущий скорого успеха у читателя, а со всей ответственностью кабинетного ученого.

Известно, что в 1978 году издательством «Наука» в серии «Писатели и ученые Востока» вышла одноименная книга «Абу Нувас» за авторством Бетси Яковлевны Шидфар. Но это была научно-популярная монография, а не роман: последний был закончен несколько позднее. Мы не берем на себя смелость дать точный ответ на вопрос: можно ли рассматривать роман «Абу Нувас» в качестве побочного продукта своего более удачливого тезки, напечатанного более тридцати лет назад «Наукой»? Быть абсолютно уверенным здесь нельзя — как в известном споре о курице и яйце. Очевидно лишь одно: всей своей предыдущей научной работой вольно или невольно Б.Я. Шидфар прокладывала путь к тому, чтобы однажды взяться за написание этого романа. Поэтому предшественниками романа «Абу Нувас» можно назвать не только упомянутую монографию, но и предисловие Бетси Яковлевны к изданной в 1976 г. той же «Наукой» книге «Подлинные рассказы о могущественном халифе Харун ар-Рашиде, остролюбивом Абу-Нувасе и хитроумном Джухе», представляющей собой сборник арабских сказок и анекдотов. В своем предисловии к этому изданию Б.Я. Шидфар проводит четкую границу между мифическим и реальным Абу Нувасом. На роль предтечи романа вполне подойдут и переводы из книги ал-Исфгани «Книга песен», в т.ч. глава «Рассказы об Абу Нувасе и Джинан», а также главы о других поэтах — современниках Абу Нуваса, выполненные Шидфар примерно в тот же период, к которому мы относим работу над романом «Абу Нувас».

Прочная научно-исследовательская база, лежащая в основе упомянутых работ, позволила автору максимально достоверно рассказать не только о самом поэте, но и о его времени.

Для воссоздания подлинного образа поэта и эпохи, в которую он жил, Бетси Яковлевна изучила колоссальный объем литературы: от многотомной «Истории народов и царей» ат-Табари до лейденского издания 1867 г. «Книги стран» Якуби. Однако главным источником для написания романа стали произведения самого Абу Нуваса. Бетси Яковлевна провела жесткий отбор стихов, приписываемых поэту, оставив лишь те из них, которые, на строгий взгляд автора, принадлежали его перу. Впоследствии отрывки из этих стихов в переводе Б.Я. Шидфар стали органичной частью романа.

Кропотливая атрибуция произведений Абу Нуваса имеет значение не только для изучения литературного наследия поэта, но и для выявления вопиющих несостыковок в его биографии, встречающихся у некоторых авторов. На это иронично указывает сама Б.Я. Шидфар в упоминавшейся монографии:

«Если сравнить высказывания Ибн Джинни с многочисленными рассказами о пирушках, имеющимися у Абу Хиффана, возникает недоуменный вопрос: как же мог поэт, проживший чуть более 50 лет, успеть создать столько великолепных стихов и выучить наизусть многие тысячи чужих строк, если постоянно был занят пирушками? Даже если предположить, что многие стихи Абу Нуваса, имеющиеся в современном издании его дивана, были созданы не им, а его друзьями и современниками — в первую очередь Муслимом ибн аль-Валидом и Хусейном ибн ад-Даххаком аль-Хали, то и при таком предположении окажется, что стихов, бесспорно принадлежащих Абу Нувасу, больше, чем дошедших до нас стихов любого поэта — его современника... Как же согласовать эти почти бесспорные факты с «Повествованиями об Абу Нувасе», в которых он предстает как праздный весельчак, любимый поэт халифа Харун ар-Рашида и его шут, главное действующее лицо пикантных, часто в высшей степени непристойных историй, героями которых являются также Зубейда — своевольная жена халифа, его невольницы и наложницы, придворные и евнухи»¹.

Конечно, Абу Нувас в романе Шидфар — далеко не святой, но это уже и не тот шут и гуляка, знакомый нам по «Тысяче и одной ночи», образ которого никак не вяжется с создателем шедевров арабской классической поэзии.

Для Б.Я. Шидфар Абу Нувас — прежде всего большой поэт. Готовый рискнуть жизнью ради своих убеждений. Не склоняющий голову перед сильным мира сего. Не лицемерящий перед Владыкой жизни Вечной. Не продающий свою душу за деньги. Легкий, но не легковесный гений, которому завидуют друзья, которого обожают женщины, ненавидят лицемеры, уважают властители.

Нельзя не согласиться с автором в том, что любую личность необходимо рассматривать в контексте эпохи, в которой она жила. Поэт Абу Нувас — подлинное дитя Аббасидского халифата времен его наивысшего расцвета. В те времена благочестие мирно уживалось с пороком, героизм — с трусостью и предательством, аскетизм — с роскошью, честность — с мошенничеством. Не случайно описание эпохи в романе вызывает не меньший, а, может быть, даже больший интерес, чем биография самого поэта.

Абу Нувас жил и творил при нескольких халифах, но не случайно его прежде всего называют современником легендарного Харуна ар-Рашида — одной из наиболее противоречивых фигур в истории ислама. Язык не поворачивается окрестить Харуна безбожником, хотя многие его поступки не могут не вызвать осуждения в глазах мусульман, равно как неверно считать его идеальным мусульманским правителем, несмотря на его многочисленные заслуги как государственного мужа.

¹ Шидфар Б.Я. Абу Нувас. — М.: Наука. — 238 с.

На фоне многих современников, для которых двойная мораль была неотъемлемой частью их собственного «я», Абу Нувас выглядит цельной фигурой, человеком со стержнем, как принято сейчас говорить.

Придворного поэта нескольких халифов династии Аббасидов Абу Нуваса невозможно назвать ревностным мусульманином, педантично соблюдающим все предписания ислама. Но было бы вместе с тем непростительной ошибкой обвинять Абу Нуваса в неверии, атеизме, как это опрометчиво делали некоторые авторы. Это хорошо понимает и Б.Я. Шидфар. Несмотря на распространенную в советское время тенденцию отыскивать среди выдающихся людей Средневековья атеистов и материалистов, Шидфар избегает соблазна вписать Абу Нуваса в ряды закоренелых безбожников.

Абу Нувас был грешным человеком, но он никогда не отрицал того, что нет бога кроме Аллаха и Мухаммад — Его пророк. Своими сатирами он бичевал не ислам (это признает и сама Шидфар в своей научной монографии), а прежде всего тех лицемеров, кто, прикрываясь религией, жил двойной жизнью. В те времена у такого человека, как Абу Нувас, выбор был небольшой: или жить с двойной моралью, или открыто делать то, что другие совершали тайно. Ненависть к лицемерию во многом объясняет и эпатажное поведение поэта.

И по сей день много споров вызывают так называемые покаянные стихи Абу Нуваса. Сложно сказать, раскаялся ли поэт в конце жизни, как об этом любят писать некоторые мусульманские авторы, или продолжал отстаивать свои взгляды на свободу творчества, как утверждают либерально настроенные ученые. В романе Б.Я. Шидфар поэт решительным образом отвергает распространившиеся по Багдаду слухи о его раскаянии, возникшие благодаря сочиненным им покаянным стихам, написанным в жанре *зухдийат*.

Лишь на смертном одре Абу Нувас, отбросив иронию, обращается ко Всевышнему — как и полагается выдающемуся поэту, не прозой, а стихами:

*Я прошу у Тебя дать мне силу и мужество,
Я прошу приблизить меня к Твоему жилищу, хотя оно далеко.*

Что это — позднее искреннее раскаяние и мольба о прощении? Едва ли мы когда-нибудь узнаем ответ на этот вопрос.

Так стоит ли тратить драгоценное время на поиск того, что скрыто от нас Всевышним? К чему увлекаться празднословием и отказывать себе в увлекательной прогулке по Багдаду времен легендарного халифа Харуна ар-Рашида? Пускай же нашим проводником будет один из наиболее выдающихся представителей эпохи Мусульманского Ренессанса — поэт Хасан ибн Хани ад-Димашки по прозвищу Абу Нувас...